

Почем литр слез?

Чтобы внести ясность по этому вопросу, я должен оговориться. Речь пойдет не о слезах страдающих героев и артистов. Они почти не плачут. Речь пойдет о зрительских слезах.

Первой премьерой этого года оказался спектакль Пермского драматического театра «Варшавская мелодия» (пьеса Леонида Зорина). Наша задача — выяснить, что хотели показать нам в пьесе и что показали.

А показать они хотели лирическую драму.

Об этой пьесе уже писали. В частности, статья З. Падас — в пермской «Молодой гвардии» от 17 сентября («Пепел победы»). С этой статьей хочется спорить.

Кратко содержание пьесы. В ней два героя. Он (Виктор) и Она (Гелена). Он — русский. Она — полячка, учится в Москве. Любовь с первого взгляда. Но тут закон, запрещающий браки с иностранцами. 1947 год. Они расстаются. «И давайте не будем говорить, будто бы Виктор мог тогда что-то предпринять», — совершенно верно замечает по этому поводу З. Падас, но сама точно же нарушает свое предложение (в этом мы еще убедимся). Далее сюжет развивается следующим образом. Он (Виктор) призывает в Варшаву (через 10 лет). Он вызывает ее на свидание. Они снова объясняются в любви. Он прозрел. Она в отчаянии. «Ты решишь, что я истеричка», — без основания предупреждает она. Ты, говорит, «сейчас толкнешь вот эту дверь, и она отойдет, я даже слышу, с каким звуком — тр-тр.., а потом она вернется на свое место — и все. И больше тебя не будет». «Я... говорит, — тебя не пушу». — И предлагает ехать с ней куда-то на один день. бросив свою делегацию и обязанность.

«Человек не всегда волен в своих поступках», — резонно отвечает ей Виктор и уходит. Вторая

встреча, еще через 10 лет, происходит в Москве, в перерыве ее концерта (она певица). Никто ничего не предлагает. Она ему: «Когда ты приходишь, всегда одни неприятности, не отдохнула я совсем за антракт!» А он ей отвечает: у меня, мол, тоже нет свободного времени. «Впрочем, хорошо, что его не хватает».

Что же явилось источником этой драмы? — спрашивают наши критики. И хором отвечают: «Он! Он! Виктор! Не победитель, а разрушитель. Он снег самое дорогое, что было у него». «Он делает свое дело, стараясь не думать о том, какой МОГЛА БЫ БЫТЬ его жизнь и что он потерял». Так пишет З. Падас и делает роковую ошибку. Значит, все-таки Виктор мог что-то сделать и что-то изменить, дав счастье и себе и ей!

Рассмотрим же, чего Он не сделал, а должен был сделать.

ЧЕГО ОН НЕ МОГ СДЕЛАТЬ:

1. Добиться отмены закона.
2. Добиться особого разрешения на свой брак с Геленой.
3. Запретить Ей ехать в Польшу, куда Она должна была уехать после окончания консерватории.
4. Бежать через границу в Польшу.

ЧТО ОН МОГ, НО НЕ СДЕЛАЛ:

1. Обмануть Ее и бросить.
2. Предаться отчаянию, все бросить и рыдать у колонн возлюбленной днем и под ее окнами ночью, неизменно чем питаюсь.
3. Спиться, достойно подтвердив предсказание Гели.
4. Попасть, зазевавшись, под трамвай или совершить еще какой-нибудь еще более глупый поступок в том же духе.
5. Через 20 лет во время встречи с Ней в Москве предложить свою верную руку и сердце.

ЧТО ОН МОГ И СДЕЛАЛ:

1. Не бросил вуза и уехал по назначению в Краснодар.
2. Носил подаренный Ею галстук, пока не надоел и товарищи не засмеяли.
3. Памятуя о великом изречении своего пророка Хайями, когда-то продекламированном Ему Гелей: «Красавиц и вина бежать на свете этом

Разумно ль, если их найдем на свете том?» — найдя, что неразумно, он женился.

4. Стал кандидатом, затем доктором виноделия, переселился из Краснодара в Москву, получил соответствующую лабораторию и пучу медалей за свои вина.

Разве не очевидно, что если бы он сидел у моря и ждал погоды (отмены закона и встречи с Гелей), то тогда бы Он не стал ни доктором, ни даже кандидатом, не женился бы, не попал в Варшаву и не увидел больше Гели, 10 лет носил тот же галстук и был осмеян товарищами, все бы «страдал», доставляя этим массу неприятностей другим и себе, не смог бы кончить институт и получить специальность, а может быть даже и заболел с горя.

Спрашивается, когда бы он оказался более счастливым — в варианте, который предположили мы, или в варианте существующем? Как говорит сам Виктор: «Сперва надо выяснить, что такое счастье».

Нам скажут, что Он мог бы добиться всего, чего Он добился в жизни, но не расплескать за 20 лет своего прежнего чувства к Геле, что это-то и будет истинным Счастьем. И я, не вдаваясь в долгую дискуссию, им на это отвечаю: «Попробуйте! Попробуйте не расплескать. И добиться. И душу не засушить, и счастье не прозевать, и законов не нарушать, и прославиться!»

А ОНА? ЧТО МОГЛА, НО НЕ СДЕЛАЛА ДЛЯ СВОЕГО СЧАСТЬЯ?

1. Просить советского гражданства и не ехать в Польшу (зтого Она не сделала, потому что любила свою родину и оставшуюся в Польше мать).
2. Сойтись с Ним временно, не заключая брака, убедив себя, что любовь не зависит от того, на каком документе это закреплено (зтого она боялась).
3. Вечно ждать Его, не выходя замуж ни за «пана музыкального критика», ни за «третьего», ни за кого вообще, жертвуя при этом карьерой известной певицы (зтого она не пожелала).
4. Выйти замуж за Витюка под старость лет, когда Он свободен и Она свободна и когда браки с иностранцами разрешены.

Что же помешало Ей в этом последнем выборе? Связанность контрактами, концертами, обязанностями? — Нет, Ей это не могло по-

мешать, так как и гастроли и обязательства имеют конец. Все зависело от Ее желания. А Она пожелала быть артисткой и только. Интересно узнать, сохранились ли у нее прежние чувства к своему Витюку, как утверждает критики?

В этом безразличии, которое Она проявляет ко всему в Москве в антракте своего концерта, в ее раздражительности мы видим ясный и недвусмысленный ответ: в ней не осталось ничего, кроме, быть может, памяти. Она несчастлива, но Ее счастье и не заключается в любви. У нее уже нет никаких устремлений, кроме жажды покоя. Усталая, измученная женщина.

Бросить любимую работу друг ради друга. они не хотели, да и чем бы они тогда занялись?

Зачем же тогда говорить о каком-то недостигнутом, но возможном счастье? Зачем же тогда проливать слезы над неудачной любовью? Ведь все было к лучшему!

«О, трагическая русская душа! — говорила в таких случаях Гелена. — Она сразу ищет драму». А драмы-то нет! И нет в пьесе социальных конфликтов, которые нашла в ней З. Падас, только закон 1947 года, бесцеремонно вмешивающийся в судьбы людей. Я решительно не понимаю, какую пользу зрителю может принести эта душещипательная история, в трактовке нашего театра, хотя бы она была вдвое более «тонкая и изящная вещь».

И все же на «Варшавской мелодии» Леонида Зорина и плачут, и занавес дают бесконечно, и успех спектакля велик! (так кончает свою статью критик Свободин в журнале «Театр»). И мне остается сказать: «Плачьте, плачьте эти слезы... как поет один герой в «Траватре», мол, они душу облегчат и пр. Ну, если слезы, пролитые зрителями все-таки облегчают им душу, значит, спектакль какую-то пользу приносит, и не жаль ни шопеновской мелодии, ни простых, сделанных со вкусом декораций (художник В. Григорьев), ни работы режиссера Г. Г. Андреева, ни времени...

А если рассматривать с точки зрения себестоимости, то зрителям эти слезы обошлись дешево.

И. КОНДАКОВ.